
Е. М. ЮХИМЕНКО

Выговская икона «Образ всех российских чудотворцев»

Редко встречающийся в музейных собраниях Образ всех российских чудотворцев уже привлекал к себе внимание специалистов: назову доклады В. Г. Платонова и Я. Э. Зелениной на конференциях в 1997 и 2005 гг. (опубликованы только тезисы первого доклада).¹ Одна икона из собрания Русского музея была описана еще в XIX в., экспонировалась на выставке Русского музея «Образы и символы старой веры» и опубликована в каталоге этой выставки.² Однако подробного изучения этой иконографии, в особенности в связи с культурно-созидательной деятельностью выговских старообрядцев, не проводилось.

Одним из направлений культурного строительства, предпринятого основателями Выговской старообрядческой пустыни в конце XVII в., наряду с собиранием собственной библиотеки, устройением церковной и монастырской жизни, созданием литературной школы были агиологические разыскания о русских святых. В своих поездках по России выговцы одновременно со сбором сведений о местных старообрядцах-мучениках (на этом материале был написан «Виноград Российский») собирали также сочинения и устные предания о святых, в том числе местночтимых. Эти материалы должны были поддержать принесенный на Выг из разных мест интерес к местным подвижникам благочестия; в то же время они были необходимы для развития Выга как духовного центра, аккумулирующего все традиции древнерусской церковной жизни.

Размах и глубина культурно-агиологической деятельности поморских старообрядцев, их выдающаяся роль в расширении традиции почитания древнерусских подвижников и сохранении и распространении рукописной традиции житийных памятников на протяжении XVIII—XIX вв. подтверждается как количеством выговских списков редких памятников древнерусской житийной литературы, так и сочинениями самих выговцев.

В 30-е гг. XVIII в. Семен Денисов написал Слово воспоминательное о российских чудотворцах.³ Это сочинение было приурочено к празднику Всех святых российских чудотворцев, который вошел в русский церковный

¹ Платонов В. Г. Об одном сюжете старообрядческой поморской иконописи : (Образ Всех Святых Российских Чудотворцев) // Старообрядчество : История. Культура. Современность. Тез. М., 1997. С. 231—232.

² Образы и символы старой веры : Произведения старообрядческого искусства в собрании Русского музея / Авт. концепции, сост. издания Н. В. Пивоварова. СПб., 2008. С. 82—85, № 70.

обиход в середине XVI в. как следствие прославления большого числа подвижников на соборах 1547 и 1549 гг. Первоначально он отмечался 17 июля, ближайший день к памяти св. равноапостольного князя Владимира. Позднее праздник был перемещен на первое воскресенье после Ильина дня. Именно в этот день он отмечался и в Выговской пустыни. В церковном уставе старообрядческой киновии даны подробные указания о службе этого дня; в заключение отмечено: «Аще есть, икону святых в столовую носят, и чтение за столом святым».⁴ Именно для этого праздника, по нашему мнению, были созданы и Слово Семена Денисова, и Образ всех российских чудотворцев.

Напомню, что Слово содержит панегирики 167 русским святым (они сгруппированы по чинам святости). Это самый обширный перечень из известных, содержащихся в Словах Григория Суздальского и Сергия Шелонина, от которых Семен Денисов остался почти независим.

Как показывает рукописная традиция, Слово воспоминательное, само явившееся результатом агиологических разысканий выговцев, инициировало дальнейшие поиски редких житийных памятников, их переписку и распространение. Оно явилось структурообразующим ядром ряда житийно-богослужебных сборников, в которых сопровождалось переписанными на Выгу или на местах редкими агиографическими текстами. В то же время вместе с ним копировалась Служба новым российским чудотворцам Григория Суздальского, что, несомненно, способствовало сохранению в старообрядческой среде самого праздника. Заметим, что в синодальной церкви праздник всех русских святых очень скоро вышел из обихода, был восстановлен только на Поместном соборе 1917—1918 гг. и ныне отмечается во второе воскресенье по Пятидесятнице.⁵

Результаты агиологических разысканий выговцев нашли отражение не только в книжности и литературе, но также в иконописании.

У нас нет сведений о том, была ли создана специальная икона ко дню установления праздника всем российским святым в середине XVI в. Однако нам известен ряд таких памятников XVIII—XIX вв., бытовавших исключительно в старообрядческой среде. Мы приведем ряд доказательств в пользу именно выговского происхождения данной иконографии.

Согласно описи, составленной в ходе работы следственной комиссии О. Т. Квашнина-Самарина, Образ всех российских чудотворцев находился в местном ряду Выговской соборной часовни уже в 30-е гг. XVIII в.⁶ В начале XX в. три подобных образа числились в собрании Церковно-археологического музея в Петрозаводске, куда поступили памятники, изъятые при закрытии обители в середине XIX в.⁷ Из них одна большая икона (113 × 89) выговского письма конца XVIII—начала XIX в. хранится ныне в Музее изобразительных

³ Подробнее см.: Юхименко Е. М. «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 329—344.

⁴ Устав : Круг вселетного богослужения Поморского Выгорецкого монастыря. Саратов, 1913. Л. 160.

⁵ Спасский И. Первая служба всем русским святым и ее автор // ЖМП. 1949. № 8. С. 50; Афанасий (Сахаров), еп. О празднике всех святых, в земле Российской просиявших, и о службе на сей праздник // Учен. зап. Рос. православного ун-та ап. Иоанна Богослова. М., 1995. Вып. 1. С. 91—101.

⁶ Есиков Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 533.

⁷ Платонов В. Г. Об одном сюжете старообрядческой поморской иконописи... С. 231—232.

искусств Республики Карелии (рис. 1).⁸ Подобная икона также большого размера (88.75 × 75.4) находилась в Долговой (Пиккиевой) моленной,⁹ по сути дела являвшейся выговским подворьем в Петербурге. К середине—второй половине XIX в. относится выговская икона меньшего размера (54 × 47.5, ГТГ), происходящая из выговского Чаженгского скита в Каргополье (рис. 2).¹⁰ Кроме двух названных сохранившихся икон нам известны еще четыре иконы выговской традиции. В 1814 г. мастером Петром Тимофеевым был написан большой образ (147.8 × 123.2) (рис. 3), который, как установила Н. В. Пивоварова, находился в федосеевской Зеленковской моленной в Петербурге, откуда в 1847 г. был конфискован и поступил в Синод, а затем в Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии, в настоящее время в ГРМ;¹¹ прориси с этой иконы были опубликованы в 1909 г. Н. В. Покровским.¹² Также в собрании Русского музея оказались две иконы XIX в.: одна — из федосеевской моленной на Волковской улице,¹³ другая, северодвинская, — из филипповской моленной Н. С. Бурмагиной в деревне Малая Горка Виноградовского района Архангельской области.¹⁴ Еще одна икона — первой половины XIX в. (36 × 30) находится в собрании известного эстрадного певца Григория Лепса (рис. 4).¹⁵ К тому же времени относится аналогичный образ из собрания ГИМ (34.5 × 30.4).¹⁶

Таким образом, из семи икон две, в том числе самая ранняя, были написаны на Выгу. Важным косвенным подтверждением выговского происхождения иконографии служит также факт бытования данного образа исключительно в беспоповских моленных разных согласий (нам известны еще две иконы, находящиеся в рижской Гребенщиковской общине).

Композиция Образа российских чудотворцев отличается стройностью и четкостью. По центральной оси композиции располагались сверху, в облаке, изображение Святой Троицы Ветхозаветной, ниже, в прямоугольнике, как бы на иконе, — образ Св. Софии в виде огненно-пылающего херувима с крыльями и предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей,¹⁷ еще ниже, практически в центре иконы, — «Престол уготованный» с восьмиконечным

⁸ МИИ РК. Инв. И-1618.

⁹ Пивоварова Н. В. Оазис древнего благочестия : Об идейной программе внутреннего убранства Долговой моленной в Петербурге // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.) / Отв. ред., сост. Е. М. Юхименко. М., 2010. Вып. 4. С. 561. Приложение. № 194.

¹⁰ ГТГ. Инв. ДР-528. Опул.: *Icons russes : Les saints / Fondation Pierre Gianadda. Paris, 2000. P. 142—143. № 52.*

¹¹ Образы и символы старой веры. С. 82—85, № 70; Пивоварова Н. В. Старообрядческие иконы в музеях Петербурга и Москвы : Середина XIX—начало XX в. // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). Вып. 4. С. 529—530.

¹² Покровский Н. В. Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной Академии. 1879—1909. СПб., 1909. С. 131—144. Табл. 53—57. Повторно опубл.: Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии. СПб., 1998. Т. 1. С. 448—463. Табл. 224—231.

¹³ ГРМ. ДРЖ-946. См.: Образы и символы старой веры. С. 85.

¹⁴ ГРМ. ДРЖ Б-1771. Размер: 61 × 41.8. Опул.: Образы и символы старой веры. С. 72—73, № 62.

¹⁵ Опул.: Юхименко Е. М., Горшкова В. В. «Иконы всё самые пречудные, — письма самого тонкого»: Собрание Григория Лепса. М., 2012. С. 128—131. Кат. 34.

¹⁶ ГИМ 53054 И VIII 4685.

¹⁷ София Премудрость Божия : Выставка русской иконописи XII—XIX вв. из собраний музеев России. М., 2002. С. 40—42. № 1.

крестом. Справа и слева рядами, в повороте к центральной оси, представлены российские чудотворцы, объединенные по ликам святости.

В древнерусской традиции имелся Образ всех святых, который в литературе называется как Субботой всех святых, так и Неделей всех святых. К примеру, на иконе, созданной в конце XVI—начале XVII в. на Русском Севере (ГИМ),¹⁸ в верхней части представлен сидящий Христос в круглой мандорле, с предстоящими Богородицей и Иоанном Предтечей, окруженный сонмом ангелов. Ниже, в продолговатых с закругленными верхами клеймах изображены «лики праведных» (мученики, пророки, апостолы, мученицы — первый ряд; преподобные, святители, праотцы, блаженные жены — второй ряд) — всего 8 ликов. Встречается также деление на 10 ликов: например, на иконе из Покровского собора Рогожского кладбища с врезками строгановского письма 1580—1590-х гг.¹⁹ Здесь также все «лики» расположены как бы в киотцах и подписаны: преподобные, святители, апостолы, мученики — первый ряд, юродивые, пророки, праотцы, цари и князья — второй ряд, преподобные жены и мученицы — третий.

Иконография Образа всех святых могла также входить как часть общей композиции в «Шестоднев».²⁰ Примечательно, что на ярославской иконе конца XVII в. из Ярославского художественного музея (рис. 5) святые изображены не в четко выделенных сегментах или киотцах, а рядами, обращенными к центру; в центре композиции помещается изображение Престола уготованного, над ним — Спаситель на троне, а выше — Новозаветная Троица.²¹ Заметим, что Престол уготованный присутствует и на иконе Рогожского кладбища, правда, здесь он принадлежит к живописи XIX в.

К концу XVII в. появляется новый, более усложненный вариант иконографии Образа всех святых, в котором регистровость композиции становится доминирующей. К 1700 г. относится, по-видимому, ныне утраченная икона, написанная Кириллом Улановым для московской церкви Николы «Большой Крест» на Ильинке.²² На центральной оси композиции этой иконы находились изображения: Коронавание Богородицы (вверху), три ангела, несущие венцы, и Иоанн Предтеча Ангел пустыни. Изображение святых здесь хотя и сохраняет группировку по «ликам», однако больше воспринимается как рядное: 7 рядов с каждой стороны.

То же наблюдается и в иконе XVIII в. из ГТГ (рис. 6).²³ Кроме того, здесь по центральной оси введен ряд дополнительных сюжетов (снизу вверх): Лоно Авраамово, София Премудрость Божия, Распятие, Коронавание Богородицы.

¹⁸ Россия. Православие. Культура. М., 2000. С. 155, № 458, ил. на с. 168.

¹⁹ Древности и духовные святыни старообрядчества: Иконы, книги, облачения, предметы церковного убранства Архиерейской ризницы и Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве / Под общ. ред. Е. М. Юхименко. М., 2005. С. 72—73, № 40.

²⁰ Например, икона из собрания И. С. Остроухова (ныне ГТГ): «Шестоднев». Начало XVI в. Дионисий (?) (см.: *Гретьер И.* История русского искусства. М., [1913]. Т. 1, вып. 20. С. 281; *Антонова В. И., Мнев Н. Е.* Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной классификации. Т. 1: XI—начало XVI в. М., 1963. С. 342—343. № 281); икона из Ярославского художественного музея: «Шестоднев (Седмица)». Ярославль. Конец XVII в. (см.: *София Премудрость Божия.* С. 186—187, № 62).

²¹ *София Премудрость Божия.* С. 186—187, № 62.

²² *Гретьер И.* История русского искусства. Т. 1, вып. 22. М., [1913]. С. 447.

²³ *София Премудрость Божия.* С. 350—351, № 131.

Таким образом, создавая Образ всех российских чудотворцев, выговские старообрядцы воспользовались композицией Образа всех святых в иконографическом варианте второй половины XVII в., характеризующемся четко выраженным порядным изображением святых и включающем дополнительные сюжеты, в частности София Премудрость Божия и Престол уготованный. Выбор такого образца не должен вызывать удивление: ведь и в литературной поэтике, книжном декоре и манере письма выговцы ориентировались на столичные образцы второй половины XVII в. Эстетические принципы выговской школы допускали использование достижений современных ей искусства и культуры при неизменном сохранении духовно-догматических основ древнего православия. В иконном образе восходящая к искусству господствующей церкви форма была наполнена сугубо старообрядческим, или, шире сказать, древнерусским содержанием.

Образ всех святых объединял изображения подвижников, прославляемых всей православной Церковью; русские святые в этот ряд входили лишь эпизодически. К примеру, на иконе Рогожского кладбища среди святителей присутствуют московские митрополиты, среди князей — Петр и Феврония Муромские, среди преподобных — Александр Невский и Михаил Клопский.

Включение древнерусскими иконописцами отечественных подвижников в сонм Всех святых имело большое символическое значение, поскольку подчеркивало равноположность Русской православной церкви среди вселенских церквей. Выговские создатели Образа всех российских чудотворцев продолжили эту линию, показав, что Русская церковь сама имеет многочисленный сонм собственных заступников: на иконе представлены изображения почти 200 святых подвижников, имевших общецерковное и местное почитание в России до середины XVII в.

Примечательно, что в иконостасе главной часовни Выговского общежительства к этому образу парным был Образ всех святых. Сведения относятся уже к 30-м гг. XVIII в. Обе названные иконы находились в местном ряду по краям, слева и справа,²⁴ как бы обрамляя изображения особо почитавшихся выговцами Зосимы и Савватия Соловецких, митрополита Филиппа, Александра Свирицкого и Александра Ошевенского. Вполне возможно, что идея создать Образ российских чудотворцев и была подсказана размышлениями основателей пустыни над идейной программой главного иконостаса Поморской церкви. Молитвенное обращение ко всему сонму русских святых имело для выговцев особое значение: оно подчеркивало непрерывность сохраняемой старообрядцами церковной традиции. Полемический подтекст этой темы нашел отражение

²⁴ *Есинов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 532—533; *Юхименко Е. М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. М., 2008. Т. 1. С. 84, 88. В опись, составленную в ходе расследования О. Т. Квашнина-Самарина, вкралась ошибка, местоположение данных образов было перепутано: Образ всех святых указан справа, а Образ российских чудотворцев слева. Эта неточность опровергается описаниями, сделанными самими выговцами в 80-е гг. XVIII в. К тому же помещение в иконостасе сначала Образа всех святых (крайним справа), а затем Образа всех российских чудотворцев (крайним слева) представляется более логичным в смысловом отношении. Икона «Св. всей России Чудотворцы» находилась и в иконостасе Введенской соборной часовни «на Коровьем дворе» (размер: 97,8 × 77,8). См.: *Пивоварова Н. В.* Часовни Данилова и Лексы по материалам секретного делопроизводства Министерства внутренних дел // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2013. Вып. 5. С. 349. № 162.

в ряде литературных памятников Выга, в частности в Слове воспоминательном Семена Денисова и «Слове о новых мудрецах» Андрея Денисова.

Есть все основания полагать, что автором иконографии Образа всех российских чудотворцев был потомственный каргопольский иконописец Даниил Матвеев, в 1700-е гг. в молодом возрасте переселившийся в Выговское общежительство, духовный сын Петра Прокопьева и ученик Андрея Денисова. Поморский библиограф Павел Любопытный свидетельствовал, что именно ему принадлежит «изображение формы всеми пищемага образа всех российских святых».²⁵ Козма Иванов, автор Надгробного слова Даниилу Матвееву (1776), говорил о первых годах пребывания каргопольского иконописца на Выгу (во второй половине 1710-х гг. здесь развернулось обширное строительство): «И понеже вново тогда распространяшеся общежительство Выгорецкое, потреба бѣ вездѣ вново здати и храмы молитвенныя, и кущи житейския, потреба украшати оныя иконами святыми и книгами церковными. Изучен же бѣ боголюбивый отецъ нашъ изографскому художеству от отца своего и тако тогда с великою ревностию и усердиемъ впадеша в труды оныя святыя, с нелицемѣрнымъ послушаниемъ тщашеся пособствовати ктиторомъ церковнымъ. Живыя свидѣтели суть и здѣ предстоящи неусыпныхъ его трудовъ. <...> Вниди в храмы молитвенныя и узриши всюду, не точию во обоихъ общежительствахъ, но и в скитскихъ собранияхъ, его святыми трудами украшены стѣны церьковныя украшениемъ боголѣпнымъ».²⁶

Федор Петров Бабушкин в письме к матери и сестре в Романов (1780-е гг.) обратил внимание на очевидное особое почтение к интересующей нас иконе. Перед каждым образом местного ряда были лампы «самои болшей руки зеленомедные ярославской работы самои хорошей <...>. А у русских есть железные ручки походячие, на коего святаго день праздника свѣща ему собьственно под самое лико поставляется; и выше, и ниже, и на страну двѣ ручки предвигаются на винту».²⁷

На выговской иконе российские чудотворцы объединены по ликам святости (рис. 7—10). В нижней половине иконы, как бы на первом плане, представлены преподобные, сгруппированные в 5 рядов; в верхней части — 7 рядов, разрываемых центральной композицией. Здесь представлены — слева святители (5 рядов) и юродивые (2 ряда), справа — благоверные князья, преподобные жены и мученики (в общей сложности также 7 рядов). Всего 184 изображения, каждое из которых индивидуально и подписано. Кроме того, на полях данного образа 2 приписных изображения: Антония Дымского (на левом поле) (рис. 11) и Мартирия Зеленецкого (на правом). Возможно, что эти два изображения, которые безусловно не являются патрональными, были разысканы позже. К примеру, в выговском агиографическом сборнике 30-х гг. XVIII в. Житие Антония Дымского вставлено в рукопись позднее.²⁸

²⁵ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 205. № 24. В. Г. Дружинин, включивший, со ссылкой на Павла Любопытного, эти сведения в свой указатель, сделал примечание: «Это так называемая икона „Всех Российских Чудотворцев“». Описана Н. В. Покровским в описании музея СПб. Духовной академии. СПб., 1909, стр. 131, табл. 53—55».

²⁶ Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. М., 2008. Т. 2. С. 109—110.

²⁷ Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 1. С. 84.

²⁸ ГИМ, Музейское собр., № 1510, л. 109—111.

Можно достаточно уверенно утверждать, что икона из собрания Карельского музея изобразительных искусств воспроизводит первоначально написанный образ (данная икона могла быть написана взамен пострадавшей при пожаре Выговской часовни в июне 1787 г.). Отличительной чертой первообраза было наличие двух приписных изображений, что позволяет в свою очередь объяснить, почему в других списках изображения Антония Дымского и Мартирия Зеленецкого оказываются в разных местах. Один вариант, видимо, также возникший на Выгу, представлен тремя иконами: иконой выговского письма из ГТГ, иконой начала XIX в. из собрания Г. Лепса и северодвинской иконой XIX в. из моленной Н. С. Бурмагиной (ГРМ);²⁹ изображения двух преподобных были вставлены туда, где это было сделать проще всего, не нарушая общего строя иконы: в 10-й ряд снизу, который, по сути, состоял из двух небольших рядов. Слева среди святителей был помещен Антоний Дымский, а справа между благоверными князьями и святыми женами — Мартирий Зеленецкий. Другой вариант представлен иконой Петра Тимофеева 1814 г. Мастер допустил большее вмешательство в исходный образец. Мартирия Зеленецкого и Антония Дымского он поместил в конец 4-го ряда слева, переместив бывшее здесь ранее изображение Варлаама Важского выше, в конец 5-го ряда слева. Для симметрии мастеру пришлось добавить изображения и справа: так в конце 4-го ряда появился Стефан Вологодский, а в конце 5-го — Савва Московский.³⁰

Созданный на Выгу Образ российских чудотворцев включал изображения 186 русских святых и представлял собой обширный и, возможно, самый полный иконографический свод. Сонм российских чудотворцев на иконе не имеет 100%-го совпадения с перечнем Семена Денисова; здесь изображены 35 святых, не упомянутых в Слове воспоминательном: преподобные Кирилл Челмогорский, Александр Куштский, Пахомий Кенский, Мартирий Зеленецкий, Антоний Дымский, Феоктист Новгородский, Козма Яхромский, Кирилл Астраханский, Авраамий Вологодский, Тихон Калужский, Александр Вологодский, Иринарх Соловецкий, Тихон Луховской, Иаков Костромской (Железнодорожский), Филипп Белозерский; князья Довмонт Псковский, Феодор Новгородский, Владимир Новгородский, Гавриил Васильевский (Ярославский), княгиня Анастасия Васильевская, преподобные жены София (Соломония) Суздальская, Параскева Ржевская и Васса Псково-Печерская, юродивые Симон Юрьевецкий и Прокопий Устьянский. Очень существенно по сравнению со Словом воспоминательным расширен лик святителей.

В то же время были прославлены в Слове, но не отражены на иконе 25 святых: киево-печерские преподобные Варлаам, Никола Святоша, Никон, Григорий, Матфей, Феофил, Елеазар Анзерский, Дионисий Радонежский, Лазарь Муромский, Трифон Вятский, Корнилий Псково-Печерский, Авраамий Городецкий, Кассиан и Паисий Угличские, Андриан Костромской (Монзенский), Пахомий Костромской, Евфросин Андомский, юродивый Викул Псковский, митрополит Московский Макарий, князь Игорь Ольгович, мученики Феодор Варяг, Евстратий Печерский, князь Василий Ростовский, Петр Казанский.

²⁹ Образы и символы старой веры. С. 72—75, № 62.

³⁰ Помимо Стефана Вологодского и Саввы Московского, Петр Тимофеев добавил изображения князей Феодора Вологодского, Глеба Всеволодовича Смоленского (в 8-м ряду справа), мученика Авраамия Владимирского и княгини Феодоры Нижегородской (в 10-м ряду справа), Иоанна Киевского варяга (в 11-м ряду справа).

Такое несовпадение может объясняться тем, что сбор иконографического и письменного материала велся параллельно и результаты не всегда совпадали. К примеру, Семен Денисов не включил в свое Слово преподобных Кирилла Челмогорского и Пахомия Кенского, интерес к которым на Выгу нашел отражение и в Музейском сборнике,³¹ и в составленном не позднее 60-х гг. XVIII в. Слове похвальном каргопольским чудотворцам.³² Это обстоятельство заставляет предположить, что Образ российских чудотворцев стал плодом конкретных разысканий в области иконографии, а не сводом типических изображений.

В этой иконе проявилось исключительное мастерство миниатюрного письма выговских иконописцев: каждый лик был не только тщательно выписан, но и подписан.

Икона обнаруживает некоторую внутреннюю связь со Словом Семена Денисова. На первый план в иконе вынесены образы преподобных, с прославления которых начинал свое сочинение и Семен Денисов. В первый ряд помещены те святые, особое место которых в русской святости было подчеркнуто и Семеном Денисовым: вполне понятно, что это Антоний и Феодосий Печерские, Сергей и Никон Радонежские, Варлаам Хутынский, Кирилл Белозерский и Кирилл Новоезерский, Зосима и Савватий Соловецкие, Димитрий Прилуцкий, Александр Свирский и Антоний Сийский. Ответ на вопрос, почему в этот избранный ряд оказались включенными Антоний Римлянин, Евфросин Псковский, Иосиф Волоцкий и Максим Грек, находим в Слове Семена Денисова (рис. 12). В панегириках только этим четверем преподобным проявилась традиционная для старообрядческих полемистов антилатинская тема, обусловленная тем, что церковные «новины» патриарха Никона имели западные корни. По мысли выговского автора, пример Антония Римлянина показывал «латинское заблуждение», «от самосмышления человеческого изданное».³³ Как защитник православия прославлялся в Слове Семена Денисова Евфросин Псковский,³⁴ в панегириках Иосифу Волоцкому и Максиму Греку подчеркивалась их «ревность о благочестии», проявившаяся в борьбе с ересями.³⁵ И еще одна деталь сближает икону со Словом: в 10-м ряду справа рядом с мучеником Исидором Ливонским изображен безымянный младенец, упомянутый в Слове.

Образ всех российских чудотворцев, как и Слово воспоминательное Семена Денисова, явился результатом глубоких агиологических разысканий выговских старообрядцев. Их приверженность древней церковной традиции не сводилась к декларации, напротив, она инициировала собирательские и творческие силы и тем способствовала сохранению этой традиции и ее развитию. Примечательно, что хорошо известная ныне икона «Все святые, в земле Российской просиявшие», созданная в 1930-х гг. монахиней Иулианией (Соколовой) в связи с возобновлением в Русской православной церкви праздника всех русских святых, имеет своим несомненным образцом выговский Образ всех российских чудотворцев.

³¹ ГИМ, Музейское собр., № 1510, л. 131—156.

³² Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства. Т. 1. С. 340—344.

³³ ГИМ, Музейское собр., № 1510, л. 8.

³⁴ Там же, л. 12 об.—13.

³⁵ Там же, л. 13 об.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 1. Икона «Образ всех российских чудотворцев». Выговское старообрядческое общезиельство. Конец XVIII—начало XIX в. Музей изобразительных искусств Республики Карелии.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 2. Икона «Образ всех российских чудотворцев». Выговское старообрядческое общежитие. Середина—вторая половина XIX в. ГТГ.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 3. Икона «Образ всех российских чудотворцев».
Мастер Петр Тимофеев. 1814 г. ГРМ.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 4. Икона «Образ всех российских чудотворцев» в окладе. Выговское старообрядческое общежительство. Первая четверть XIX в. Частное собрание Г. Лепса.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 5. Икона «Шестоднев (Седмица)». Ярославль. Конец XVII в. ЯХМ.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 6. Икона «Образ всех святых». XVIII в. ГТГ.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

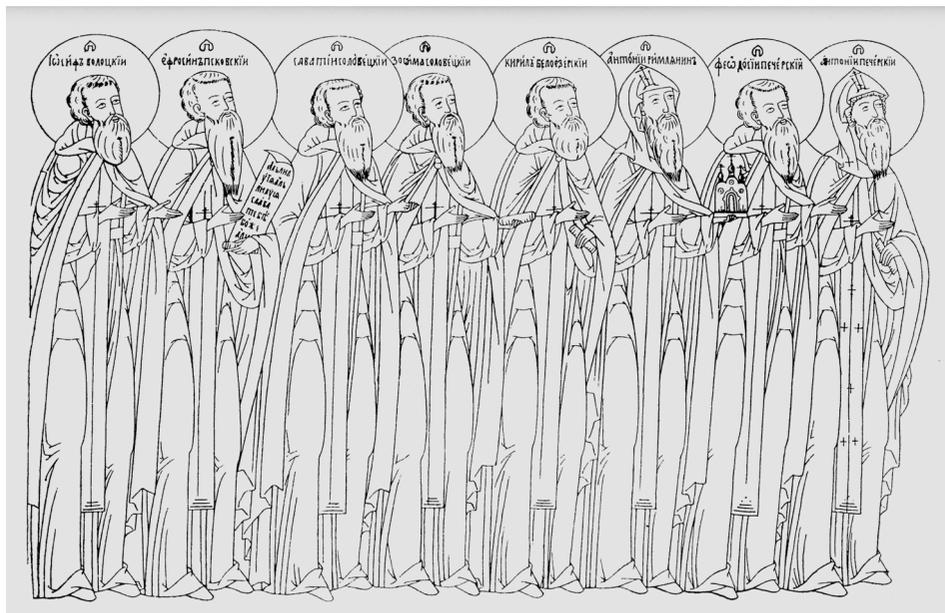

Рис. 7. Прорис с иконы «Образ всех российских чудотворцев». Мастер Петр Тимофеев. 1814 г. Преподобные (первый ряд слева).

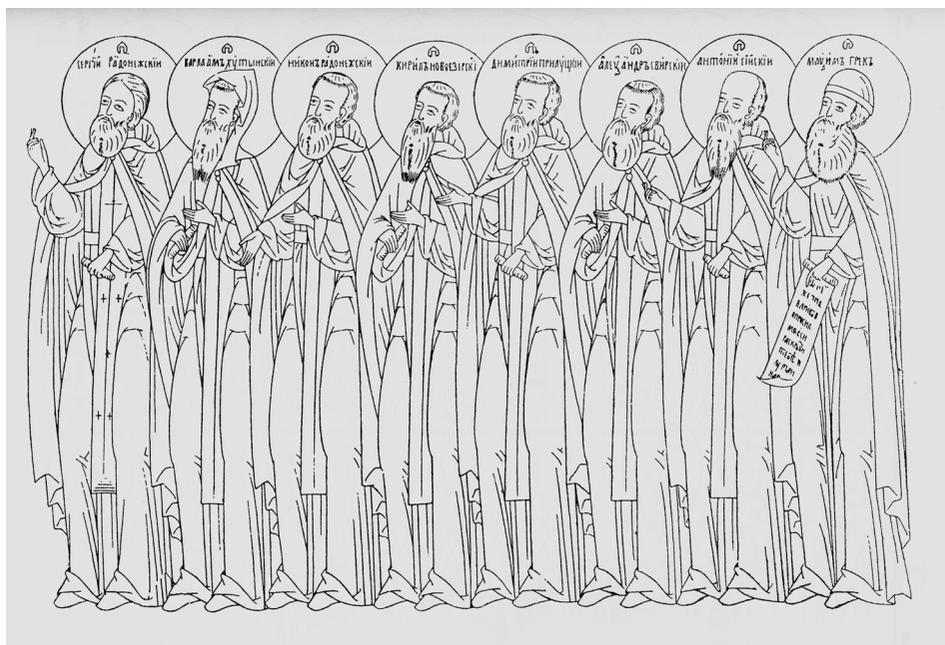

Рис. 8. Прорис с иконы «Образ всех российских чудотворцев». Мастер Петр Тимофеев. 1814 г. Преподобные (первый ряд справа).

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

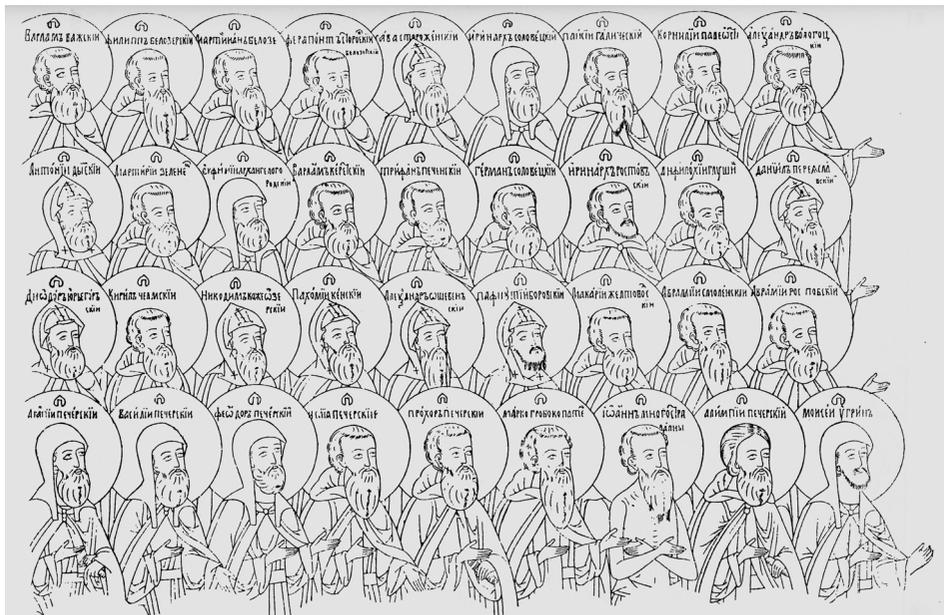

Рис. 9. Прорись с иконы «Образ всех российских чудотворцев». Мастер Петр Тимофеев. 1814 г. Преподобные (второй—пятый ряды слева).

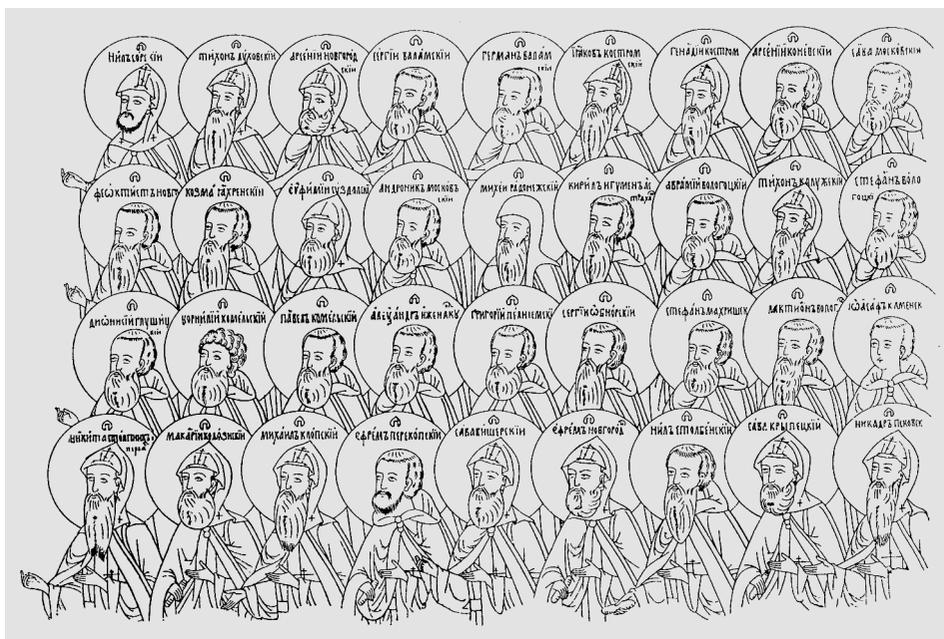

Рис. 10. Прорись с иконы «Образ всех российских чудотворцев». Мастер Петр Тимофеев. 1814 г. Преподобные (второй—пятый ряды справа).

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 11. Св. Антоний Дымский. Фрагмент выговской иконы «Образ всех российских чудотворцев» конца XVIII—начала XIX в.

К статье Е. М. Юхименко «Выговская икона „Образ всех российских чудотворцев“»

Рис. 12. Максим Грек. Фрагмент выговской иконы «Образ всех российских чудотворцев» конца XVIII—начала XIX в.